

Глава 1

Можно знать наверняка — а всё же не верить до последнего.

— Ада! Тебе надо попить! — зудит над ухом Сьюзан. В руки мне настойчиво пихают кружку с холодным чаем.

— Но я не хочу, — говорю я. — Правда не хочу.

Сьюзан силком сгибает мне пальцы на кружке и приговаривает:

— Понимаю. Но пожалуйста, попей. Больше тебе возможности не дадут. Утром будешь маяться от жажды.

Дело в том, что правая нога у меня была тогда вывернута на сторону. И всегда была вывернута, с самого рождения. Кости и сустав в лодыжке выросли кривыми: тыльной стороной стопа касается земли, а подошва смотрит вверх. Ходить больно адски. Снизу, конечно, выросла костная мозоль, но кожа на ней постоянно лопается, и ссадина кровоточит.

Тот разговор в больнице был почти три года назад, 16 сентября 1940 года. В понедельник. Вот уже

чуть больше года Гитлер воевал против почти всего мира. А в мои одиннадцать лет весь мир воевал против меня.

Буквально на следующий день врачи должны были раздробить мне кривые косточки в лодыжке и пересобрать их заново, в надежде получить что-то, хоть отдалённо напоминающее нормальную ногу.

Я поднесла кружку с чаем, отхлебнула через силу. Глотка сомкнулась наглухо. Я поперхнулась чаем, забрызгала постель и поднос.

Сьюзан вздохнула. Вытерла пролитый чай, махнула рукой медсестре, которая ставила маскировку на окна, чтобы та подошла и забрала поднос.

С самого начала войны мы каждый вечер ставили на окна светомаскировку, чтобы немецкие бомбардировщики не могли ориентироваться сверху по огням. Больница, конечно, была не в Лондоне, который что ни ночь, то бомбили, но и мы вполне могли попасть под обстрел. От немцев можно было ждать чего угодно.

— Мэм, вам письмо, — сказала медсестра, махом сгребая поднос, и протянула Сьюзан конверт.

— Прямо в больницу доставили? Странно, — пробормотала Сьюзан и вскрыла конверт. — Это от леди Тортон, — сообщила она, разворачивая листок. — Наверное, послала до того, как получила адрес пансионата. Ада, ты точно не хочешь чего-нибудь перекусить? Может, тостик?

Я покачала головой. Глоток чая, который я таки осилила, и тот взбунтовался в желудке.

— Кажется, меня тошнит.

Сьюзан охнула, оторвалась от письма, выхватила с нижней полки прикроватной тумбочки тазик и

подсунула мне под подбородок. В твёрдом намерении сдержать всё в себе, я стиснула зубы.

Рука Сьюзан дрогнула, дрогнул и тазик. Я заглянула ей в лицо — белое, как полотно, глаза как будто больше и темнее.

— Что случилось? Что в письме? — спрашиваю.

— Ничего, — отмахнулась Сьюзан. — Дыши глубже. Вот так. — Убрала тазик, сложила письмо леди Тортон и спрятала в сумочку.

Но что-то случилось. У неё на лице написано.

— Что-то с Коржиком?

— А?

Коржик был соловый пони Сьюзан, я его просто обожала. На то время, пока я лежала в больнице, мы поставили Коржика в конюшню леди Тортон.

— А, да нет, — бормочет Сьюзан. — Точнее, насчёт Коржика леди Тортон ничего не сообщает, но если что, она бы написала.

— Мэгги? — Мэгги была дочь леди Тортон и мой лучший друг на свете.

— С Мэгги полный порядок, — отвечает Сьюзан. А руки ещё подрагивают, и глаза не на месте. — Со всеми полный порядок.

— И с Джейми, — говорю. Уже не спрашиваю, а прямо говорю, потому так оно просто обязано быть. Мы не стали оставлять Джейми, моего брата, в городе, а взяли с собой, и на время операции Сьюзан вместе с ним и его котом Боврилом разместились в съёмной комнатке в пансионате при больнице. В тот день Джейми оставался там под присмотром хозяйки пансионата.

Джейми тогда было шесть. Раньше мы думали, что ему семь, но теперь у нас на руках было его сви-

детельство о рождении, а в нём говорилось, что нет, не совсем, до семи не дотягивает.

Мне было одиннадцать. Моё свидетельство тоже с недавних пор хранилось у нас. Когда у меня день рождения на самом деле, я узнала всего за неделю до того случая в больнице.

— Да, и с Джейми всё в порядке, — кивает Сьюзан.

Я вдыхаю поглубже и спрашиваю:

— Моей операции точно ничего не мешает?

Вплоть до той недели, когда мама чуть не отобрала нас обратно, Сьюзан говорила, что не имеет права одобрить мне операцию. Собственно, она и сейчас не имела, только теперь ей было всё равно. Как она объяснила, иногда надо поступать по совести, а не по закону. Мне нужна была операция, и я должна была её получить.

Лишних вопросов я не задавала.

Сьюзан пригладила мне волосы, убрала их со лба. Я отстранилась.

— Я не дам ничему помешать, — говорит она.

Что-то всё-таки не то в её голосе, в её выражении лица. Ясное дело, из-за письма леди Тортон. Леди Тортон любого может выбить из колеи. Когда я впервые увидела её и ещё не знала по имени, то про себя называла не иначе как «суровой командиршей». Она любила сделать каменное лицо, а говорила, как ножом резала.

Но сюда она к нам не сунется, это я знала. Что было в доме Сьюзан, мы потеряли, но зато сама Сьюзан, Джейми, Боврил и Коржик у меня остались. А завтра ещё операцию сделают. Чего ещё желать?

Можно знать наверняка — а всё же не верить до последнего.

Чуть больше года назад в однокомнатной квартире у мамы в Лондоне я выучилась ходить. Я долго держала это в тайне, знай только вытирала к маминому приходу кровавые пятна. Мне всего-то и хотелось — побывать за пределами нашей квартиры, не то что города, однако умение ходить меня спасло. Когда из-за гитлеровских бомбёжек мама отослала Джейми прочь из Лондона вместе с остальными детьми, я тоже улизнула. Так мы оказались в приморском городочке в Кенте, со Сьюзан и Коржиком.

Вначале Сьюзан нас не хотела. Мы её тоже не хотели, но я хотела её лошадку, и вдобавок нам обоим нравилась её еда. В конечном счёте мы все трое друг к другу притёрлись и уже не хотели расставаться. Тут-то, конечно, за нами и явилась мама — неделю, стало быть, назад. Но Сьюзан решила бороться за нас и поехала следом в Лондон. Так и получилось, что в ту ночь, когда немецкие бомбардировщики разнесли её дом в щепки, никого из нас в нём не было. Выходит, самое большое несчастье — мамин приезд — обернулось для нас самым большим счастьем — спасением жизни.

Теперь все вокруг делали вид, точно моя застрашная операция — это ещё большее счастье, что заставляло меня беспокоиться, как бы она не обернулась полным провалом. Сьюзан говорила, что провалиться операция не может и что нога, надо думать, заработает как надо, но даже если нет — всё со мной, мол, будет в порядке. Со мной якобы и так

всё в порядке, и после операции тоже будет, чем бы дело ни кончилось.

Ну, может, и так.

Зависит целиком и полностью от того, что иметь в виду под «порядком».

Вокруг бушевала война. Медсёстры уверяли, что если дадут воздушную тревогу, они успеют перевести всех пациентов больницы из палат в подвал. Но пока ни разу не приходилось, так что успеют или не успеют — этого на деле никто не знал.

Сьюзан наклонилась ко мне. Обняла. Вышло неловко, и для меня, и для неё. Я выдохнула. В животе по-прежнему бурлило.

— Не волнуйся, — сказала Сьюзан. — Утром я опять к тебе приду. А сейчас ложись поспи.

Спать я не могла, но ночь как-то всё-таки пролетела. Утром пришла Сьюзан. Она держала мою руку, пока медсестра катила меня на койке по коридору. Когда мы остановились перед тяжёлой белой дверью, медсестра сказала Сьюзан:

— Дальше вам нельзя.

Только тут я поняла, что Сьюзан рядом не будет. И вцепилась в неё.

— Что, если не выйдет?

Она сжала мои пальцы в своих на мгновение.

— Храбрей, — проговорила она. И отпустила.

В операционной меня ждал человек в длинном халате и с маской в руках. Он поднёс маску к моему лицу и сказал:

— Когда надену, начинай медленно считать до десяти.

Я протянула до четырёх — и провалилась в сон.

Отходить от эфира оказалось тяжелее. Правая нога зажата, её пригвоздили к месту, не дают сдвинуться. Я пытаюсь высвободиться, бьюсь что есть сил, пот льётся градом. Меня накрывает бомбёжкой, я под завалом. Ногу не сдвинуть. И вдруг я каким-то образом опять в сыром шкапчике под раковиной, в Лондоне, в нашей старой квартирке. Меня заперла в нём мама. Тараканы уже...

— Ш-ш, — мягко прошелестел у меня в ушах шёпот Сюзан. — Успокойся, всё позади. Всё хорошо.

Ничего не хорошо, что может быть хорошего там, в этом шкапчике под раковиной, дома у мамы...

Руки тоже пригвоздили. Сверху накинули одеяло и подоткнули по бокам.

— Открой глазки, — звучит мягкий голос Сюзан. — Операция кончилась.

Я открываю глаза. Из мешанины цветных пятен проступает лицо Сюзан.

— Тебе ничего не угрожает.

Я тяжело глотаю слюну.

— Врёшь.

— Нет, не вру.

— Не могу ногой пошевелить. Правой. Которая кривая...

— Нет у тебя никакой кривой ноги, — говорит Сюзан. — Больше нет.

Как следует проснулась я уже глубокой ночью. Кровать окружали ширмы, за ними горел тусклый свет.

— Сьюзан? — шёпотом позвала я.

Ко мне подошла ночная сиделка.

— Пить? — спрашивает.

Киваю. Она наливает воды. Пью.

— Сильно болит?

Теперь припоминаю. После операции на правую ногу наложили гипс, поэтому-то я и не могла ею пошевелить. В лодыжке под гипсом ноет тупая боль, пронизывает ногу до коленки.

— Не знаю, — говорю. — Она всегда болит.

— Терпеть можешь?

Я киваю. Стерпеть я могла бы, наверно, всё что угодно.

Сестра улыбается.

— Оно и вижу. Мамка твоя тоже сказала, что ты девка крепкая. — Протягивает мне таблетку. — Нат-ко, выпей вот.

— Сьюзан мне не мама. — И слава богу. Глотаю таблетку, засыпаю.

Когда я снова проснулась, прямо надо мной нависало лицо Джейми. Волосы всклокоченные, точно неделю не расчёсывался, глаза красные, опухшие. Плачет. Я рывком села в испуге.

— Что? — спрашиваю.

Джейми плюх! Мне на кровать. Прямо на гипс. Я аж скривилась.

— Так, полегче, — говорит ему Сьюзан и за плечи оттягивает.

А Джейми ко мне прильнул, лицом в меня зарывается.

Я его обнимаю, поверх его головы на Сьюзан смотрю.

— Что? Скажи же.

— В письме, — говорит Сюзан, — что вот от леди Тортон пришло, в нём сообщается...

Я киваю. Так и знала, письмо, всё в том письме.

Джейми как взвояет:

— Мама умерла!

Можно знать наверняка — а всё же не верить до последнего.

Глава 2

Я знала, что мама... наша мать работала в Лондоне в ночную смену на военном производстве. Я знала, что Лондон бомбят, бомбят жестоко, всякую ночь — опустошающие налёты, один за другим. Я знала, что в первую очередь немцы атакуют заводы, в особенности те, что работают на нужды фронта. Мне и самой случилось однажды попасть под бомбёжку. Кирпичные стены разлетались на кусочки прямо над головой. А позже по улицам мело разбитым стеклом, точно позёмкой.

Выходит, я знала, что мама может погибнуть. Я просто не верила. Даже пусть и бомбёжки. Мне как-то казалось: мама, она вечная.

Мне казалось, мы с Джейми никогда от неё и не освободимся.

Я обняла Джейми. Он зарыдал и опять бухнулся мне на ногу. Я еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

Сьюзан просунула Джейми под живот подушку и облокотилась на край кровати. Погладила Джейми по спине.

- Это правда? — спросила я.
- Правда, — подтвердила Сьюзан.
- Прямо, по-настоящему?
- Мне очень жаль.
- Жаль? Уверена? — спросила я.

А было ли мне жаль? Как-то казалось, что да. Да было ли? Мама же меня ненавидела.

«Ты нас больше никогда не увидишь», — сказала я ей тогда, в Лондоне, неделю назад. И она ещё уточнила, мол, точно?

Выходит, что точно.

— Ну, счастливым такое разрешение дела не назовёшь, — проговорила Сьюзан. — Пожалуй, могло быть и хуже, но и так тоже несчастье, а поэтому да, мне жаль. Хорошо, конечно, что разрешилось хоть как-то. Теперь ведь ваша мама не сможет вам навредить.

— Теперь не сможет, — подтвердила я. Даже не знаю, могло ли у нас с мамой разрешиться счастливо. Всегда хотелось верить, что да — оно и понятно, всё-таки мать, — но до конца как-то не верилось. Я повернулась к Джейми. — А ты чего плачешь? Мама нас ненавидела. Она сама так сказала.

Джейми всхлипнул ещё громче.

— Я её любил, — проныл он.

Джейми — он добрее меня. И маму он, наверное, в самом деле любил. А я не любила. Хотелось бы, но нет. Больше всего на свете хотелось бы, чтобы она меня любила. Но нет.

Я снова подняла глаза на Сьюзан.

— Что мне положено сейчас чувствовать?

Наверно, нормальная дочь чувствовала бы горе. Но теперь, когда мама умерла, я больше не была никому дочерью.